

ПОСКОЛЬКУ сегодня так много говорят и спорят о зрителе, о кинозрителе в частности, захотелось и мне призадуматься немного над тем, чем он, зритель сегодняшний, отличается от вчерашнего или, скажем, от читателя, слушателя.

Образ читателя мне лично рисуется так. Он большой, толстый, в вязаном жилете. После работы с книжкой и с бутербродом. Лежит себе на боку, полегивает, почитывает и жмурится от удовольствия.

Слушатель — он в бабочке, с зонтиком, грассирует, слышит что-то внутри себя, о чем другие и не подозревают... Слушатель эстрадных дисков в наушниках, раскачивается: «Я так хочу, чтоб лето не кончалось...».

А вот в зрители нет особой тайны, он, зритель, проще читателя и уж, конечно, слушателя, о нем все все знают и даже расписываются за него, как будто он неграмотный. Так и пишут наши дорогие критики и прочие знатоки: зрителю нравится то, зрителю не нравится это. Он на это пойдет, а с того уйдет, это он примет, а то — нет.

Все про него известно: основной возраст, говорят, от 11 до 22, женский пол доминирует, за последние годы помолодел, раньше был старше, мужественнее.

Перед читателем, слушателем зритель пока в одном выигрыша: фильмы нельзя еще коллекционировать для престижа, для дизайна, украшать ими родной интерьер. Правда, не за горами время, когда мы услышим знакомое: «Меняю две «Тайны Бургундского двора» на «Летят журавли», когда кинотеки войдут в каждый дом и маленький житель планеты будет возмущаться, что его отправили спать, а сами с гостями смотрят Чаплина и Винни-Пуха. Вот какие дела ждут нас в недалеком будущем.

КТО ЗАВТРА ПРИДЕТ В КИНОЗАЛ?

Он, зритель, все более важной фигурой будет, и от нас, кто делает кино, во многом зависит, каким он станет.

Критика наша довольно часто, обсуждая тот или иной процесс в одном из видов искусства, полностью его вычленяет, отделяет от других искусств. Между тем кино сегодня и его проблемы неотделимы от литературы, театра и, естественно, от телевидения. Сегодняшнее поколение кинозрителей — более всего дети уже не кино, увы, а дети телевизионной эпохи.

Сегодняшние подростки смутно представляют дотелевизионную эру: для них это более невероятно, чем отсутствие электричества.

Каждое поколение всегда формируется какой-то доминантой. Для моего этой доминантой были кино, ну и книги, конечно. Ты еще не научился читать, а тебя уже водили в кино, ты убежал в кино, ты созрел в кино, оно самое желанное, притягательное, волшебное, ибо нет времени у взрослых на сказки для тебя и нет времени для тебя.

В нашем суровом военном детстве, мире похоронки, инвалидов, пропавших без вести, вечной нехватки самого жизненно необходимого кино было главным сказочником, утешителем, волшебником, его персонажи были реальнее соседей, живущих рядом. Экран был всем.

Толпы осаждали малочисленные кинотеатры, чтобы увидеть, как побеждает «Парень из нашего города», как «Антон Иванович сердится», «уходит от берега «Ястреб Морской» и девушка машет рукой». Хроника, боевые кино-сборники, «Человек № 217», «Радуга», «Секретарь райкома». Мы играли в эти кар-

тины, мы бесконечно играли в войну. Боролись со слугами «Каша Бессмертного», улетали от немцев на крейсере «Небесном тихоходе» и побеждали, побеждали, мы так хотели этого...

Когда-то Ильф и Петров написали о странном, но вынужденном соседстве большого и малого миров — в большом мире летчик Севрюгов летел к полюсу, а в малом мире у него соседи по коммуналке отбирали комнату. Нат Пинкертон прекрасного соседствует с Толстым и Чеховым, ибо человек многообразен и требует разного в разное время, при разных обстоятельствах, тем более, как говорится, о вкусах не спорят. И не случайно трофейные фильмы с Сарой Ландер и Мариной Рокк взрыхлили почву, наполнили пустующие ячейки сентиментальной мелодрамы, жгучего детектива, условной комедии масок, где не было знакомых персонажей и знакомых обстоятельств. Мы все равно любили фильм «Близнецы», но почти все мальчишки нашего города кричали криком Тарзана, качались на ветках деревьев и прыгали с водосточных труб.

Как воспитать в молодом человеке восторг перед гением Толстого, Достоевского, Чехова? Научить слушать классическую музыку? Преклоняться перед Шекспиром? Деление на высокие и низкие жанры наивно — трагедия может быть пошлой, мелодрама великой... Высокий стиль может быть чудовищно скучным и мертвым, а лубок прелестно наивным и живым.

Искусство и существует для того, чтобы вести за собой и поднимать до себя — иначе регресс, в лучшем слу-

чае, топтание на месте.

«Чайка» провалилась в Александринке, потому что публика была воспитана не только другой драматургией, но и другими эстетическими принципами. Только МХАТ мог тогда поставить «Чайку» с успехом, ибо имел уже другую публику.

Надо учиться понимать кино как искусство, воспринимать новое и получать от этого удовольствие. Совпадение восприятия творца и зрителя — счастье, но нельзя ради этого идти на поводу, льстить, подлаживаться, приспосабливаться.

Совсем недавно один работник культуры с пристрастием допрашивал меня: «Неужели тебе нравится Довженко? Или врешь, или прикидываешься... Просто принято хвалить, и ты хвалишь...».

Доказывать ему что-либо бессмысленно, он не видит здешний на любовь влиятелен... Все словно с ума посходили, подавай им телевизор — и все тут.

Засел народ перед телевизором с комфортом, вставать не хочет. А чего ему не посидеть в отдельной квартире — тепло, светло, практически бесплатно, ехать никуда не надо опять же.

Прошел, однако, пик телевизионного бума, острота нового ощущения притупилась: это сегодня обязательно стандарт жизни, но есть книга, театр, кино. Кино выдержало мощный натиск, отбило его и вновь набирает силы. Так же, как кино, не убило театр, телевизор не может убить кино. Люди хотят соприкоснуться вместе. Вместе смеяться, вместе плакать, вместе сострадать. Кроме того, кино, освободившись от информативной сиюминутности, стало более глубоким.

Вот, кстати, мне недавно пришлось увидеть снова фильм «Неотправленное письмо» Калатозова и Урусевского. В свое время картина с Самойловой, Урбанским, Смоктуновским, молодым Ливановым абсолютно прошла мимо зрителя. Сегодня, я

убежден, ее ждет новая прокатная судьба, зритель стал другой.

Какой он, сегодняшний зритель, не знаю, но он иной, чем вчера. Был зритель дотелевизионной эпохи, отсутствия отдельных квартир, личных машин, зритель эпохи малокартинья, беззаветно преданный кино.

Вместе с обилием фильмов, появлением отдельных квартир, с ростом благосостояния появился маленький ящик, похожий на радиоприемник, и тоже стал показывать на маленьком экране фильмы, новости, передавать — и понеслось! Вы помните, линза увеличительная перед крошечным экраном и пленившая всех «Свадьба с приданым» с молодым Дороным: «Из-за вас, моя черешня, ссорюсь я с приятелем, потому что климат здешний на любовь влиятелен... Все словно с ума посходили, подавай им телевизор — и все тут.

Засел народ перед телевизором с комфортом, вставать не хочет. А чего ему не посидеть в отдельной квартире — тепло, светло, практически бесплатно, ехать никуда не надо опять же.

Прошел, однако, пик телевизионного бума, острота нового ощущения притупилась: это сегодня обязательно стандарт жизни, но есть книга, театр, кино. Кино выдержало мощный натиск, отбило его и вновь набирает силы. Так же, как кино, не убило театр, телевизор не может убить кино. Люди хотят соприкоснуться вместе. Вместе смеяться, вместе плакать, вместе сострадать. Кроме того, кино, освободившись от информативной сиюминутности, стало более глубоким.

Вчерашний зритель более или менее понятен, сегодняш-

ний, несмотря на все анкеты, по-моему, неясен. Он слишком разный.

А вот о зрителе будущего можно, по-моему, поразмышлять, попытаться его представить.

Но на новом этапе, я думаю, само кинозрелище должно быть несколько иным, чем в дотелевизионную эпоху.

Сначала несколько слов об условиях кинозрелища. Пора переходить от кинотеатров к театрам кино.

Зритель должен идти в кино так, как люди сегодня ходят в театры, в концерты. Поход в кино должен быть праздником. Люди должны надеть лучшее платье, снять пальто, обязательно должны попасть в красивый интерьер.

Театр кино должен стать клубом (я знаю, такие опыты есть), но не только кино-клубом, особенно в небольшом городе или селе, а местом, где соединяются разнообразные виды искусства.

Надо учить детей понимать кино как литературу, как музыку. Язык кино усложняется, становится другим. Сегодня существуют школы, где преподается кино — факультативно, пора ввести — возьму на себя смелость предложить это — и обязательное обучение искусству кино. Иначе можно потерять завоевания кинематографа. Дело это неотложное, дальше может быть поздно. Эйзенштейна, Довженко, Гриффита, Чаплина, Рене Клера, М. Ромма надо преподавать так же, как преподают Маяковского. Тогда проще договориться со зрителем, тогда на постижение нового не понадобятся десятки лет.

Кино — составная часть общей культуры и требует затрат на воспитание людей,

воспринимающих его. Надо готовить зрителя будущего, надо формировать его сознание.

Сегодня зритель вновь вернулся к нам, но как он вернуться? Ответ на это дадут время и будущие полные или пустые залы на подлинных произведениях искусства.

...Говорим мы, кино снимаем, статьями обмениваемся, а скромный директор кинотеатра создает в маленьком поселке репертуар по своему желанию. У него не шли «Восхождение», «Подранки», «Степь»... У него план и, может, вообще другое отношение к миру, к искусству. И не исключено, что он не уважает Довженко. А раз так, то дети в этом поселке могут не узнать имени великого режиссера, разве что на титрах очередного детектива студии его имени.

Он для галочки на одном сеансе покажет новое, но не удобное ему лично кино, а потом закрутит на неделю что-нибудь стреляющее, сентиментальное или из западной жизни, и пошла писать губерния...

А на другом конце нашей страны в поселке Палатка Магаданской области с благословения директора и по просьбе общественных организаций один бывший кинемеханик, человек, беззаветно преданный кино — я позначился с ним тогда в поездке — читает детям лекции, которыми могут позабавовать студенты филфаков, о кино читает, и фильмы они смотрят стоящие, и вкус к ним имеют, и говорят десятиклассники о них с немалым пониманием и изяществом, чем столичные кинорежиссеры.

Савва КУЛИШ,
кинорежиссер.